

Борис Благовещенский
Сотворение мира

Фантастика.
Приключения

Борис Благовещенский

Сотворение мира.

Фантастика. Приключения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514516

ISBN 9785447477158

Аннотация

«Роботы изучили всю информацию своего древнего предка. Теперь они знали, что Человек разумный, в отличие от них, состоял из биомассы, основой которой были белки. Они долго не могли понять, что такое пол Человека. Способность Человека разумного к самовоспроизводству изумляла их. Однажды Август высказал безумную идею, взволновавшую даже сдержанного Юлиана Фатера.— А что будет, если мы создадим Человека разумного вновь?» В книге описываются различные сценарии развития человеческой цивилизации.

Содержание

Сапиенсатор Николая Таймырова	5
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	32
Глава пятая	47
Глава шестая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сотворение мира Фантастика. Приключения

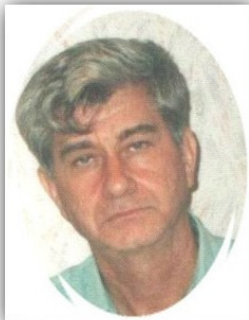
Борис Благовещенский

Редактор Борис Забудский

© Борис Благовещенский, 2019

ISBN 978-5-4474-7715-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сапиенсатор Николая Таймырова
Научно-фантастическая повесть

Часть первая

Сапиенсатор против ЦРУ¹

Глава первая

Чего не хватало для счастья Джону К. и его шефу

Джон К. сидел на втором этаже загородного дома, окунувшись в свои думы. Голова его была занята не бесконечными государственными делами, а обыкновенными семейными заботами. Точнее, он думал над тем, где можно было бы установить еще один микрофон с подслушивающим устройством, чтобы быть в курсе всех дел своей молодой очаровательной супруги...

В мире царил эпоха подслушивания. Она прошла несколько этапов. На заре ее применялись сравнительно скромные приборы, состоящие из микрофона и миниатюрного магнитофона. Затем стали использовать микрофоны с радиопередатчиками. Это было очень удобно: сидишь

¹ Вторая часть повести «Карающий меч» опубликована в полном бумажном издании под названием «Сапиенсатор изобретателя Таймырова, или властелин мысли», Минск, «Беларусь», 2015 год.

в своем кабинете и слышишь, например, что говорит в это время лидер Антивоенной лиги по поводу роста расходов на вооружение и увеличения налогов или что нового у прокурора Нового Орлеана в расследовании убийства президента Кеннеди. Конец двадцатого века ознаменовался новыми достижениями в области электроники и информационных технологий, и мир захлестнула очередная волна шпиономании. Подслушивали все: дети – разговоры родителей, родители – разговоры своих детей, владельцы компаний – разговоры своих конкурентов. Журналисты в погоне за сенсацией подслушивали разговоры известных людей, кинозвезд и политиков. В двадцатом веке жестокая конкуренция и борьба за рынки сбыта вынуждали владельцев крупных компаний и концернов изобретать все новые и новые средства шпионажа. Мир стоял на пороге новых потрясающих открытий.

В пятидесятых годах двадцатого века, во время начала «холодной войны», американским правительством было создано специальное ведомство – Агентство национальной безопасности, целью которого были перехват и дешифровка секретных сообщений иностранных государств и прослушивание международных линий связи. В то время, когда Джон К. сидел в своем особняке, над землей летали десятки спутников-шпионов, владельцы различных фирм и концернов подслушивали разговоры своих конкурентов, шефы – своих подчиненных, специалисты Агентства национальной

безопасности занимались перехватом и дешифровкой секретных сообщений иностранных государств, прослушивали международные линии связи, а агенты ФБР составляли досье на инакомыслящих американцев. Сверхчувствительные антенные поля, укрытые в горах Западной Виргинии, насторожив свои «уши», принимали донесения со всех континентов планеты. Сердцем этого электронного чудовища было девятиэтажное здание в Форт-Миде, в подвалах которого находились сложнейшие быстродействующие компьютеры – мозг электронного спрута, раскинувшего свои щупальца по всему миру.

В мире бурно развивались две параллельные отрасли производства: одна изготавливала средства прослушивания, другая – средства защиты от них. Время от времени обе они поочередно потрясали мир своими сенсационными изобретениями.

В кармане каждого делового американца всегда лежит маленький электронный прибор, выполняющий, кроме функции телефона, еще и роль электронной записной книжки. Все, что напишет ее владелец магнитным карандашом на специальной пластинке, высвечивается на небольшом экране и хранится в памяти прибора, пока он не сотрет запись.

Использование электронного письма для передачи информации вынуждало ЦРУ просматривать электронную переписку как своих, так и иностранных граждан, что приво-

дило к громким политическим скандалам и резко сокращало сведения, поступающие в ЦРУ и ФБР. Эти затруднения в скором будущем устроят новые достижения ученых, работающих в секретных лабораториях военного и разведывательного ведомства. Но сегодня они и лично Джон К. испытывали кризис в поступлении нужной информации.

Вот уже несколько дней как мистеру К. стало известно, что его Кэтрин часто встречается с неким Эмилом Д., актером из Голливуда. Но «жучки», установленные в доме, не сообщали мистеру К. ничего интересного, кроме болтовни Кэтрин с прислугой, которая интересовала его не больше, чем голодного, приبلудного пса вопрос о том, есть ли жизнь на Марсе. Кэтрин была не настолько глупа, чтобы болтать с прислугой о своих поклонниках. Но и она, дочь профессора Калифорнийского университета, не могла предусмотреть все хитрости своего ревнивого мужа и опытного служаки ЦРУ. Микрофон, установленный в ее машине, все-таки давал возможность мистеру К. слушать кое-какие ее разговоры...

Джон К. вздрогнул от треска, раздавшегося в радиоприемнике, стоявшем рядом на журнальном столике. Это заработало устройство в машине Кэтрин. Сквозь легкий шум работающего двигателя послышался голос Кэтрин.

– Нам надо поторопиться, потому что Джон должен вернуться сегодня из своей поездки и у меня опять будет с ним неприятный разговор.

– Ты такая сообщительная. Неужели ты не можешь при-

думать какую-нибудь правдоподобную историю?

– Могу, но Джон в них не верит. Он слышит и знает обо мне все. Не исключено, что он слушает и этот наш разговор.

– Да, нелегко быть женой офицера такого ведомства, в котором работает твой муж.

В разговоре произошла пауза, затем снова послышался голос Кэтрин.

– Фрэдди, неужели ты уедешь в Европу после окончания учебы?

– Наверное. Мне и самому не очень этого хочется, но отец настаивает. Он говорит, что дома меня ожидают интересная работа и хорошая должность в его компании. Но до этого еще целых два года, и все это время мы будем встречаться почти ежедневно, за исключением воскресных дней, моих каникул и твоего отпуска.

Джон К. узнал из разговора, что его Кэтрин встречается еще и с каким-то студентом. «боюсь, что им придется расстаться значительно раньше, чем Фрэдди наберется грамоты», – подумал он.

...Мысли мистера К. прервала мелодичная трель телефонного аппарата. Он снял трубку и услышал голос секретаря шефа, сообщившего о необходимости явиться по неотложному делу. Этих неотложных дел всегда было полно в их ведомстве, а потому он не стал гадать, а попытался собраться, отодвинув на время личное.

Шеф был, как всегда, лаконичен и начал без предисловий:

– Нам стало известно, что в России некто Таймыров изобрел уникальный аппарат, неоценимый в нашем с вами, майор, деле. Его изобретение для нас важнее, чем все изобретения, существовавшие до него. Аппарат этот способен улавливать электромагнитные импульсы человеческого мозга и расшифровывать их. Говоря иначе – читать мысли. Наконец- то мы сможем знать, что творится в головах интересующих нас людей, – начиная с все еще таинственного для нас профессора Фолсома и кончая негритянским лидером Джеймсом Гаррисоном.

«В том числе и моей Кэтрин», – подумал Джон К.

– А еще, майор, мы сможем лучше знать, что думают и говорят в откровении за пределами Штатов; и в иностранных посольствах тоже человеческие головы... Ну и спутники не зря летают...

– Приступить к разработке вербовки, сэр?

– О нет, майор, вербовка на этот раз исключается. Сама попытка подступиться с этим к Таймырову может означать провал. Будем использовать нашего нового агента 3 ИКС. Изобретением должны обладать мы и только мы. Задача – заполучить принципиальную схему, существующий же образец аппарата должен исчезнуть вместе с его создателем. Вы меня поняли, майор?

– Да, сэр.

Глава вторая

Накануне испытания сапиенсатора

Таймыров долго не мог уснуть. Мысль о том, что срок, отведенный ему на создание аппарата, истекал, а сегодняшнее испытание его оказалось безрезультатным, не давала ему покоя. Закрыв глаза, он лежал на спине и, вслушиваясь в раскаты бушевавшей за окном грозы, перебирал в памяти участки электрических цепей, мысленно анализировал сложную схему созданного аппарата, но почему не было прохождения сигнала через преобразователь биоэлектромагнитных импульсов, понять не мог. «Теоретически все правильно, – думал он, – очевидно, ошибка допущена при монтаже. Нужно будет еще раз тщательно сверить монтаж прибора со схемой». С этими мыслями он уснул уже далеко за полночь

В свои двадцать шесть лет Николай Таймыров подавал большие надежды в науке. Еще будучи школьником, он предложил несколько оригинальных конструкций различных механизмов, а его вездеход, способный взбираться по отвесным скалам, был зарегистрирован как изобретение и вскоре получил применение в народном хозяйстве. Он окончил школу в шестнадцать, но с его знаниями мог сравниться не всякий студент. Кроме механики и радиоэлектроники, Николай хорошо разбирался в кибернетике, интересовался бионикой, медициной. Он без особого труда стал

студентом факультета кибернетических систем Московского государственного университета им. Ломоносова. Но, прозанимавшись в нем год, вдруг попросил об отчислении из университета, а еще через год снова появился в нем, удивив видавших виды профессоров оригинальным проектом робота-планетохода, после чего получил разрешение сдавать экзамены экстерном. Он сдал их и с блеском защитил свой дипломный проект «Самообучающаяся система РП-1».

Последние несколько лет Таймырова занимали проблемы исследования мышления и процессы, происходящие в человеческом мозге, этом еще во многом непонятном продукте эволюции живой природы. Самым интересным и таинственным был процесс мышления. Что такое мысль? Об этом веками спорили поэты, философы, ученые. Занавес над этой тайной начал приоткрываться с тех пор, как немецкий врач Ганс Бергер, применив кардиограф, впервые записал биотоки мозга. Последующие исследования ученых показали, что каждая мысль есть совокупность материальных процессов, происходящих в мозге, и сопровождается определенными био-электрическими, а следовательно, и биоэлектромагнитными явлениями. Несмотря на то что сила электромагнитного поля биотоков чрезвычайно мала, последние достижения в области электроники позволяли их уловить и зафиксировать. Аппарат системы Николая Таймырова должен был не только выделить и зафиксировать электромагнитные импульсы человеческого мозга, но и, расшифровав их, дать

в словесном виде то, что принято называть мыслью.

Глава третья

Сапиенсатор говорит, что профессор Сухоедов – враг

Таймыров вошел в лабораторию. Створки дверей сошлись за ним автоматически, как в лифте, и раздался еле слышный щелчок электронного замка. Лаборатория Таймырова была закрытой: вход в нее был строго ограничен. Кроме Таймырова, пропуск в лабораторию имели еще два человека. Электронный вахтер был запрограммирован таким образом, что эти двое могли войти внутрь лаборатории только в присутствии ее хозяина.

Таймыров снял плащ и шляпу, повесил их на металлическую вешалку в углу и обвел взглядом помещение. Все находилось на тех же местах, что и вчера, когда он покинул лабораторию после трудового дня. Справа у входа, вдоль стены, стоял стеллаж, заставленный блоками из радиодеталей, многочисленными приборами, мотками разных проводов; на противоположной стене висели три полки с книгами; под ними, у окна, стояло массивное кресло с мягкими подлокотниками, обтянутое черной кожей; в середине лаборатории располагался большой монтажный стол, на котором находился недавно собранный прибор, напоминающий современный осциллограф. Таймыров поднял жалюзи – лам-

пы дневного света на потолке в тот же миг погасли, и лучи утреннего солнца, заполнив помещение, упали на покрытые эмалью стенки и панель прибора. Это была электронная система Таймырова – сапиенсатор, аппарат, который, по его расчетам, должен регистрировать человеческие мысли.

Вчера он ушел из лаборатории поздно вечером, но сапиенсатор так и не заработал. Сегодня предстояло сверить со схемой сборку еще двух блоков прибора. Он открыл дверцу шкафа вторичного усилителя и преобразователя электромагнитных импульсов, стал тщательно проверять путь прохождения сигнала от элемента к элементу. Надобности заглядывать в схему у него не было; он помнил ее наизусть в любое время дня и ночи, как верующий помнит свою молитву. В одном месте переплетение контактов показалось ему подозрительным. Он насторожился. Так и есть: на выходе вторичного усилителя контакты были припаяны неправильно. Брак был таким очевидным, что он удивился, как вообще можно было его допустить.

Обрадованный неожиданной удачей, он не стал вызывать радиомонтажника, а, вооружившись электропаяльником, решил сам устранить недостаток. Когда через несколько минут оба контакта были на своих местах, он остановился в нерешительности перед своим детищем. Наступил самый ответственный момент: что покажет испытание. Теперь, когда возможная причина устранена, станет ли его сапиенсатор реальностью или опять выдаст чистую бумажную ленту? Он

был один на один с этим сложным комплексом чувствительных и сверхчувствительных радиоэлементов, транзисторов и микросхем, который несколько месяцев назад существовал лишь в его голове. Наконец подошел к сейфу, встроенному в стену возле книжных полок, и извлек из него пластмассовую коробочку, из которой он взял предмет, похожий на булавку. Приладив «булавку» на внутренней стороне своей шляпы в месте касания последней с затылком, он надел ставший уже необычным головной убор, подошел к аппарату и защелкал переключателями на панели управления. После второго щелчка на панели замигал красный глазок, сигнализирующий, что блок вторичного приемника-усилителя готов к работе, затем загорелись голубой и желтые глазки, свидетельствующие о работе блока памяти и преобразователя биоэлектрических импульсов.

Лицо Таймырова сияло радостью: это уже удача – все блоки работают. Но тут же радость сменилась тревогой и растерянностью: в лаборатории стояла такая тишина, что Таймеров слышал глухие удары собственного сердца. Печатающее устройство молчало, и он никак не мог понять почему. На лице его от напряжения выступили капельки пота. «Да, – вдруг стукнул он себя ладонью по лбу, – хорош изобретатель!» – и стал настраивать в резонанс колебательный контур приемника-усилителя. Он повернул ручку настройки на панели, и внезапный треск печатающего устройства, как взрыв, разрезал тишину. От неожиданности Таймыров отскочил на-

зад, затем, вытирая пот со лба, снова приблизился к сапиенсатору и сквозь стеклянное окошко начал читать бегущие без знаков препинания строки: ЗАРАБОТАЛО ЗАГОВОРИЛО РОДИ-МОЕ ВСЕ В ПОРЯДКЕ ТЬФУ АЖ ВСПОТЕЛ ОТ ТАКОГО НАПРЯЖЕНИЯ С УМА СОЙТИ МОЖНО...

Сомнений не было – сапиенсатор воспроизводил работу его мозга. Он быстро выключил в обратном порядке все тумблеры, снял шляпу и подошел к окну.

В сквере, примыкающем к институту, молодая женщина с тонким, красивым профилем в темных очках сидела на скамье перед фонтаном и наблюдала за тем, как ее малыш лет трех гонялся за голубями по дорожкам. Таймырову вдруг захотелось оказаться на месте этого малыша, но тут же он ощутил, как гигантской силы тяжесть навалилась на его плечи, пригибая к земле, свела лопатки, морозом прошлась по коже, и он всей спиной почувствовал, как замершее позади его детище мрачной тенью нависло над ним. Теперь, когда плод его мысли стал реальностью, способной, покоряясь воле своего создателя, извлекать самое сокровенное из данного людям матерью-природой еще вчера надежного тайника, сделать явным то, чему предназначено быть тайным, чувство ответственности за причастность к свершившемуся открытию рождало в нем растущую смутную тревогу; беспредельный страх охватил все его существо. «Неужели это возможно?» – не верил он самому себе. Никто в этом мире – ни женщина, ни ее малыш – не подозревал, что всего в сотне ша-

гов от них, за его спиной, стоит нечто из металла, минералов и жидких кристаллов, совсем непохожее на них, но в то же время превосходящее их и знающее все, о чем они думают, чего желают, о чем мечтают. Отныне для него могут перестать существовать все их тайны. Он может знать каждый их шаг, предвидеть их сегодняшние и завтрашние поступки. Как люди воспользуются его изобретением? Кому будет служить оно завтра? Беспредельный страх за эту женщину и ее ребенка перерастал в чувство глобальной опасности, грозящей всему миру. Да, он замыслил свое изобретение как сугубо гуманное, обеспечивающее прорыв в науке о человеке, служащее прогрессу цивилизации, но сапиенсатором могут воспользоваться организаторы тотальной слежки, маньяки, жаждущие неограниченной власти над людьми. «Что же делать? Как быть со своим изобретением?» – лихорадочно билась его мысль, ища ответа на возникшие перед ним вопросы. Дело уже сделано и сделано вовсе не для того, чтобы способствовать злу. Таймыров как бы оправдывался перед самим собой, стараясь заглушить страх, не впасть в отчаяние. Логика ученого говорила: «В конце концов, человечество никогда бы не достигло того уровня развития, который обеспечили ему наука и техника, если бы создатели нового боялись, что их изобретение или открытие будет обращено во вред. Тот же нож, придуманный первобытным человеком, может быть орудием смерти в руках убийцы, но может быть и инструментом исцеления в руках врача. Мой са-

пиенсатор должен служить людям, помогать им создавать, а не убивать». С этими мыслями он подошел к полке с книгами, взял томик Пушкина и бессильно опустился в кресло. Книга открылась там, где была закладка, и взгляд его остановился на пророческих словах поэта:

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог-изобретатель.

Эти слова навели его на размышления, и он, положив книгу на колени, начал вспоминать, как пришла к нему идея создать машину, способную читать мысли. Еще во время учебы в университете он прочел в одном научном журнале статью об исследовании мозга, она натолкнула его на мысль написать научно-фантастический рассказ об ученом, создавшем машину, читающую мысли. Эта его страсть к сочинительству, как и конструированию различных механизмов, была известна еще в школе. Написанный рассказ остался пылиться среди старых конспектов лекций. А потом он ушел из университета изучать науки самостоятельно. Читал много разных научных статей. И вот снова судьба – в руки ему попала статья об исследованиях электрофизических процессов мозга в Институте экспериментальной медицины, прочитав которую, он понял, что его фантазии были не так уж далеки от действительности.

Записывая биотоки мозга, исследователи обратили внимание на то, что шум упавшей во время эксперимента металлической линейки отражается на энцефалограмме характерным всплеском. Дальнейшие исследования методом вживления микроэлектродов в клетки головного мозга показали, что каждому предмету, воображаемому человеком, соответствует свое графическое изображение биоэлектрического импульса, генерируемого клеткой-нейроном. Узнав об этом, Таймыров подумал, что это уже шаг к тому, чтобы создать машину, читающую мысли. Проблема заключалась, по его мнению, в том, чтобы распознать, выделить из суммарного излучения биотоков импульсы, соответствующие процессу мышления, и расшифровать их. Он обратился в Институт экспериментальной медицины с предложением произвести тестирование и составить каталог – своего рода перевод словаря русского языка Ожегова на язык биотоков мозга. Там вначале с интересом откликнулись на его предложение, однако спустя некоторое время исследования прекратили, то ли не видя смысла в этой трудоемкой работе, то ли по чьему-то указанию сверху. Но новая идея так захватила Таймырова, что уже ничего не могло заставить его отказаться от нее, и, получив направление в один из НИИ электроники, он сам взялся за эту работу, отдавая ей почти все свое свободное время. Он потратил на это без малого три года, потом столько же ушло на кодирование, создание программы ЭВМ и разработку блоков сапиенсатора. Его нынешняя

работа в плане института значилась под названием «Специальная система для исследования электрофизических процессов мозга». Никто, кроме Таймырова, не знал ее настоящего предназначения. Он и сам, приступая к работе, не уверен был в ее результатах. Но время показало, что он был на правильном пути.

Расслабившись в кресле, Таймыров не заметил, как сладкая дремота овладела его уставшим от длинных рабочих дней и коротких ночей телом, и он забылся в плену легких сновидений. Перед ним внезапно возник его двойник – молодой человек в таком же темно-коричневом костюме с галстуком в клетку, с короткими темно-русыми волосами и ямочкой на подбородке. Хитро подмигнув ему, двойник сказал: «Итак, чудо-юдо готово, скоро оно удивит весь мир и в том числе профессора Сухоедова». Двойник исчез, и Таймыров услышал тихий вкрадчивый голос сапиенсатора:

– Ты спишь?

– Нет.

– А почему бы тебе не уснуть?

– Боюсь потерять время.

– А ты не бойся, спи, а я запишу все твои мысли.

Потом перед ним появился профессор Сухоедов, которого он увидел на экране телевизионной космической связи в шлеме космонавта. Тот махал ему рукой и говорил: «Ну что, доработался? Поздравляю, поздравляю!»

Таймыров открыл глаза и увидел уже не сон. Перед ним

стоял сам профессор Сухоедов, брюнет лет пятидесяти, с сединой на висках, одетый в безукоризненно отутюженный темно-синий в полоску костюм. С серо-голубой сорочкой, соответствующей цвету его глаз, хорошо гармонировал со вкусом подобранный широкий галстук. Он уже два месяца как возвратился из длительной космической командировки, но в институте еще не появлялся. Таймыров поднялся, стяхивая с себя сон и пожимая протянутую профессором руку.

– С возвращением вас, профессор, я думаю, из удачной командировки?

– В общем-то, да, все прошло, как намечалось по программе. Первый полет в условиях искусственной гравитации. Несколько месяцев специальной физической подготовки. И можешь спокойно гулять по орбите. Никакой тебе невесомости, почти то же чувство земного тяготения, что и на земле, только весишь в двенадцать раз меньше. А ты, я вижу, уже пожинаешь плоды, – кивнул он головой в сторону стоящего на столе аппарата, усаживаясь на стул, принесенный Таймыровым из дальнего угла лаборатории.

Таймырову хотелось поделиться своей удачей, но что-то удерживало его: то ли свойственная ему скромность, то ли ощущение важности своей работы – и он небрежно сказал:

– Пока не совсем. Не все получается так, как нужно, но кое-что уже есть.

Он принес из сейфа недопитую бутылку армянского ко-

ньяка и, разлив ее содержимое в две небольшие рюмки из простого стекла, сказал:

– Тот самый. Как вы и пожелали перед отъездом в центр подготовки космонавтов, остаток допиваем после вашего возвращения.

Профессор достал из кармана брикет сублимированных фруктов, и они, негромко чокнувшись рюмками, выпили, закусывая тающим во рту продуктом из рациона космонавтов.

– Там, на орбите, – сказал профессор, – иногда так хотелось пропустить рюмочку, но, увы, коньяк не входит в меню космонавтов.

– Ну и как вы перенесли полет?

– В таком ограниченном составе, как наша экспедиция, конечно, нелегко пролетать четыре месяца. Ужасно действует чувство изолированности, которое мы здесь называем одиночеством. Единственное, что там спасает от психического разложения, – это работа. Работа там – это не то, что на Земле. Такой объем, такой размах – и каждый день что-то новое. Что ни эксперимент, то открытие.

Они сидели друг против друга, обсуждая новости, произошедшие в институте за время отсутствия Сухоедова. Вдруг Пухоедов резко переменял тему.

– Ну а что же умеет делать твое детище?

Таймырову очень хотелось тут же встать и продемонстрировать профессору работу сапиенсатора, но его естественные скромность и замкнутость вместе с осторожностью сно-

ва не позволили ему это сделать. Он сам еще не определил судьбу своего изобретения и поэтому, несмотря на то что уважал профессора Сухоедова как одного из своих учителей и крупного специалиста по кибернетическим системам, взглянув в его серые внимательные глаза, ответил:

– Пока немного: регистрирует биотоки, но в итоге должен читать мысли.

– Читать мысли?! – удивленно воскликнул Сухоедов. – «Ну ты и замахнулся! Но это же вздор. Кто согласится, чтобы какой-то Таймыров или кто-нибудь другой читал его мысли?»

– Я не меньше, чем вы, не желаю, чтобы кто-то читал чьи-то мысли помимо его воли. Может, это и покажется вздором, но в наше время эта машина видится очень полезной. Представьте себе, что вы работаете над какой-то научной статьей: мысли лавиной следуют одна за другой; пока одну записал, следующую можно упустить и потом будешь долго ее вспоминать, а с таким аппаратом все становится гораздо проще: прокрутил запись и прочитал все, что было в твоей голове минуту или полчаса назад. А писателям и журналистам – гора с плеч: чем думать и писать, лучше просто думать, а сапиенсатор все запишет и если надо, то и отредактирует. К тому же, с созданием такой техники мы приобретаем новый, очень совершенный вид связи: нет надобности в передатчиках – нужен только приемник. Такой прибор может оказаться очень полезным врачам. Психиатру, например, знать, как мыслит его пациент, не менее важно, чем для терапевта

иметь общий анализ крови. А вы представляете себе, какой эффект можно получить, начинив такой аппаратурой одного из ваших роботов, который будет понимать вас буквально с полуслова?

Таймыров с таким увлечением обрисовал будущее своего изобретения, что профессору Сухоедову трудно было возразить, и он сказал:

– Что касается робота, то это может иметь и обратный эффект, если он выйдет из-под контроля. Ибо, если робот будет знать, что думаем мы, а мы не будем знать, что думает робот, он может оказаться очень опасным.

– А это уже ваша задача, профессор, – обеспечить надежность функционирования своих систем. Я же думаю, что снять и записать информацию электронного мозга любого робота гораздо проще, чем человека.

– Конечно, – согласился профессор, – но думаю, что ни я, ни ты не доживем до того времени, когда твой сапиенсатор получит то применение, о котором ты рассказал. Его удел – разведка, сбор ценной информации зарубежных стран. Любопытно, – прищурился профессор, – как тебе пришло в голову заняться этой проблемой?

Таймырова так и подмывало рассказать, как он шел долгие годы к этой своей цели, но снова удержался от откровения и, усмехаясь, сказал:

– Очень просто: уснул – приснился сон, проснулся – осеңило, посидел, подумал – начертил схему, и вот вам резуль-

тат.

– Да. Название звучное ты ему дал. Са-пи-ен-са-тор. А, по-моему, зря ты все-таки над ним голову ломал. Вреда от него будет больше, чем пользы, и, подумав, добавил: – по-началу. Ты представляешь себе, что будет, если эта штука попадет в руки наших противников, в любую иностранную разведку?

Профессор попал в самую больную точку Таймырова. Его тоже мучил этот червь сомнений, и поэтому он, помолчав, произнес:

– Что ж, поживем – увидим.

А профессор, желая удовлетворить свой профессиональный интерес, не унимался:

– И все же, каким образом эта штука может извлекать из человеческой головы готовые мысли?

– Обыкновенная дешифровальная машина, – ответил Таймыров, – главное, знать ключ, остальное – дело техники.

Сухоедов взглянул на свои часы и, пожелав Таймырову успехов, распрощался и ушел. Таймыров с минуту сидел в задумчивости. Потом встал, подошел к окну. Сентябрьский день догорал. Сегодня наконец он мог уйти из института вовремя. Почувствовав голод, он вспомнил, что сегодня не обедал, но уходить из лаборатории не было желания. Ему захотелось еще раз посмотреть на свое детище в работе. Он подошел к нему и, играя, защелкал тумблерами на панели. В этот момент он был похож на мальчишку после удачно-

го запуска воздушного змея. Он коснулся ручки настройки сапиенсатора, немного повернул ее и вдруг замер от треска печатающего устройства. Нет, печатающее устройство работало совсем нешумно, но от неожиданности Таймырову слышался прямо грохот. Он ничего не понимал. Сапиенсатор не мог, не должен был принимать его мысли без первичного усилителя. Последний должен находиться на затылке человека, в том самом месте, где, по данным доктора Вильсона, самое сильное биоэлектромагнитное излучение. Шляпа Таймырова с первичным усилителем находилась сейчас на вешалке. Как же так? Он посмотрел на вешалку и все понял. Этот дальтоник опять унес его шляпу! Вместо коричневой шляпы Таймырова на вешалке висела зеленная шляпа Сухоедова.

Об этом недостатке профессора не различать некоторые цвета, особенно коричневый и зеленый, в институте ходили разные анекдоты. Однажды он, одеваясь в гардеробе, перепутал свой плащ с плащом Таймырова. Зрелище было очень потешным: обернувшись, Таймыров увидел, что профессор стоит перед зеркалом в его коричневом плаще, который был ему чуть ли не до пят, и спокойно начинает застегивать пуговицы. Неизвестно, чем бы это тогда закончилось, если бы профессор не заметил хохочущего коллегу. Вспомнив этот случай, Таймеров чуть не рассмеялся.

Сапиенсатор тем временем исправно фиксировал то, что сейчас рождалось под унесенной шляпой. Таймыров вдруг

подумал, что делает что-то запретное, записывая чужие мысли, ведь возможность этого он сам только что отрицал в разговоре с профессором. Сознание того, что профессор сам был виновен в происходящем, несколько не облегчало его совесть, и он, поспешно выключив аппарат, отошел к окну.

«Знал бы профессор, что сейчас произошло, – думал он, глядя в окно, – унес мою шляпу с первичным усилителем. Где же его сейчас найти?» Он подошел к телефону и набрал номер лаборатории Сухоедова, но, увы, никого там не было. Таймырова вдруг осенило, что из записи сапиенсатора он мог бы узнать, где находится сейчас профессор. Впервые его детище могло оказать реальную услугу своему создателю. Так заманчиво было взглянуть на то, что было на бумажной ленте. Но сделать это для него означало то же самое, что копаться в чужом белье или залезть в чужой стол и прочитать не ему предназначенное письмо. Таймыров колебался. В нем боролась совесть интеллигента с простым любопытством и интересом ученого-изобретателя, и он, шагнув к сапиенсатору, начал искать оправдание своим действиям. «Во-первых, – думал он, – я это делаю не из корысти, а из научного интереса; во-вторых, я не собираюсь использовать полученную мной информацию во вред профессору Сухоедову, а в-третьих, я не нарушаю никаких юридических законов, так как нет закона, запрещающего читать чужие мысли».

Таймыров понимал, что придумывает это для успокоения своей совести, что все его естество против того, чтобы кто-

либо, затаившись, читал мысли другого, но желание заглянуть в запись сапиенсатора было сильнее всего, и он в конце концов решил: все это сейчас не имеет никакого значения. Перемотав запись, он нажал кнопку с надписью «чтение» и начал читать наматывающиеся на барабан строки.

СКОРЕЕ РАБОТА У НЕГО НАХОДИТСЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ А МОЖЕТ И ВОВСЕ ЗАКОНЧЕНА ЖАЛЬ НЕ УВИДЕЛ ЧТО ЗА ЗАПИСЬ БЫЛА НА ПЕЧАТАЮЩЕМ УСТРОЙСТВЕ ОЧЕВИДНО ОН ПЕРЕМОТАЛ ЛЕНТУ ПОСЛЕ ЗАПИСИ ВСЕ-ТАКИ НА БАРАБАНА КАКАЯ-ТО ЗАПИСЬ БЫЛА САМЫЙ МОМЕНТ БЫЛ СЕГОДНЯ ВЗЯТЬ СХЕМУ ИЗ СЕЙФА И СФОТОГРАФИРОВАТЬ ЕСЛИ БЫ Я УВЕРЕН БЫЛ ЧТО ОН СПИТ ТАК И ПОСТУПИЛ ДЛЯ НАДЕЖНОСТИ МОЖНО БЫЛО УСЫПИТЬ АЭРОЗОЛЕМ ВСЕ ТАКИ ЖАЛЬ ЭТУ ШТУКУ ОТДАВАТЬ АМЕРИКАНЦАМ ОНА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МНОГО ИЗМЕНИТ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СХЕМОЙ ЗАВЛАДЕТЬ БУДЕТ НЕ СЛОЖНО СЕЙФ ТОТ ЖЕ ШИФР Я ЗНАЮ СЛОЖНЕЕ БУДЕТ ПРОНИКНУТЬ В ЛАБОРАТОРИЮ БЕЗ...

Таймыров стоял с внезапно отяжелевшим, будто свинцом налитым, телом, ошарашенный прочитанным. Профессор Пухоедов – его враг?! Это казалось невероятным. Он с ненавистью смотрел на свое детище. Но сапиенсатор тут был ни при чем. Его аппарат не умел ошибаться, а тем более лгать. Таймеров верил своему созданию, как самому се-

бе. Теперь он уже не колебался. Ему надо было знать все, что думает о нем Сухоедов. Быстро защелкал выключателями, но сапиенсатор молчал. Очевидно, профессор был уже вне зоны приема или просто снял шляпу с первичным усилителем. Таймыров ощутил смертельную усталость и желание покинуть стены лаборатории, оказаться на улице. Нужно было решать, как действовать дальше. Советчиков в данной ситуации быть не могло. Он подошел к сейфу, взял из него папку со схемой и расчетами своего изобретения, с минуту постоял в раздумье, потом положил папку обратно в сейф, подошел к сапиенсатору и, подготовив его для работы на частоте биоволн профессора Сухоедова, надел плащ и покинул лабораторию. Зеленая шляпа профессора осталась висеть на прежнем месте.

Глава четвертая

Сухоедов получает свою шляпу, а Таймыров ключи от его мозга

Ночь прошла в сновидениях с такими яркими красками, которые он видел разве что на картинах французских импрессионистов. Ему привиделось, что он явился в органы госбезопасности. За тяжелым столом из черного дерева сидел человек лет сорока пяти в штатском, с широкими бровями и густыми черными бакенбардами. Поднявшись Таймырову навстречу, он сказал: «Майор Погодин. Что привело вас к нам?» Таймеров рассказал о своей работе над сапиенсатором и о том, как он случайно записал мысли профессора Сухоедова. «Вот они». – он вынул из кармана лист бумаги. Майор пробежал глазами напечатанный текст и сказал: «Так-так. Нам с вами очень повезло, что все так получилось». Потом сон перенес его в лабораторию, где он увидел профессора Сухоедова, сидящего в его кресле и с наслаждением читающего запись своих и Таймырова мыслей. Вместо сапиенсатора на монтажном столе стояла мраморная статуя в треть человеческого роста с божественным мужским лицом и вскрытым черепом. Череп был вскрыт так, что мозг этого божества был виден почти полностью, как на рисунке в учебнике анатомии. На постаменте была надпись: ИЗОБ-

РЕШЕНИЕ ВЕКА.

Очнувшись от сна, Таймыров сразу же мысленно перенесся в лабораторию. Хотя он и не верил в вещие сны, но на сердце было беспокойно. Вчерашние события хотя и взволновали, но не вывели его из привычной колеи. Будучи личностью впечатлительной, но с крепким и целеустремленным характером, он быстро мобилизовал свою волю к предстоящей схватке с неожиданным противником. Его романтическая натура, жаждущая приключений, даже обрадовалась необычному повороту событий. В душе появилось незнакомое сладостно щемящее чувство. Утро провел в обычном ритме и через час после пробуждения уже мчался в своем издававшем виды «Фиате» в сторону института, обдумывая по дороге свои дальнейшие действия в отношении профессора Сухоедова. Вчера он принял единственно правильное, на его взгляд, решение. Он не знал, когда профессор собирается проникнуть в лабораторию. Судя по записи сапиенсатора, тот сможет сделать это не предстоящей ночью, если ему это вообще удастся. На всякий случай Николай решил оставить на ночь готовый к работе сапиенсатор. Если профессор проникнет в лабораторию, то, увидев работающий аппарат и прочитав свои мысли, поймет, что попался в ловушку, из которой выход ему неизвестен. Сегодня все будет зависеть от того, что нового преподнесет ему сапиенсатор Сухоедов добирался в институт на своей новенькой быстроходной «Самаре» около получаса. Наверняка, по дороге в институт

или позднее он что-нибудь «скажет».

Таймыров не ошибся. Когда он вошел в свою лабораторию, сапиенсатор заканчивал запись мыслей профессора. Посмотрев ее, Таймыров нашел несколько строк, которые его так интересовали. Подъезжая к институту, Сухоедов подумал: «Встреча с Крабом через неделю, за это время я должен выудить у Таймырова все, что можно о его аппарате, и желательно посмотреть, как он работает».

Таймырова это обрадовало. Значит, впереди у него целая неделя относительно спокойной работы. Достав из сейфа еще одну «булавку» – первичный усилитель – и закрепив ее с внутренней стороны шляпы профессора Сухоедова, он набрал номер телефона его лаборатории.

– Здравствуйте, профессор, – сказал он, услышав в трубке знакомый голос, – вы вчера снова ушли домой в моей шляпе.

– Да ты уж прости, Николай. Я, вернее, моя жена обнаружила это только сегодня. С этой зеленью у меня одни неприятности. Давно говорю жене, чтобы освободила от нее мой гардероб, а она все твердит, что это мой цвет. Надо же!

– А где ваши очки? – спросил Таймыров, зная, что у профессора были специальные очки для дальтоникиков, корректирующие цвет.

– Да на кой черт мне этот хомут на переносице? Зрение-то у меня, слава Богу, отменное, а для поездки в машине я приобрел недавно специальное лобовое стекло. Да мне и без него было неплохо. Все ехали на зеленый, а я на свой неопре-

деленный, – рассмеялся профессор, довольный своей шуткой.

– Слушай, а почему бы тебе не завести зеленые шляпу и плащ? Тогда бы у нас с тобой не было таких проблем.

– Э-э-э, профессор, так дело не пойдет. Вы хотите, чтобы из-за вас весь город ходил в зеленом?

– Ну ладно, ладно. Верну я твою шляпу. У меня сегодня предвидится напряженка, но как-нибудь заскочу, – закончил профессор.

Таймыров окунулся в работу. Утром его посетила неожиданная мысль: попробовать записать свои сновидения. Это блаженное состояние временного покоя, которое поэты называют маленькой смертью, давно интересовало его как ученого. Наука еще не смогла до конца объяснить, зачем человеку сон. Чем занимается мозг человека во время сна? Что в нем происходит? Таймыров, которому это таинственное состояние приносило не однажды интересные идеи, по себе знал, что у многих творческих людей мозг продолжает активную работу и во время сна, когда все органы чувств отключены от внешних источников информации. Миру известно немало открытий, сделанных учеными во сне. А сколько их не состоялось из-за того, что часто после пробуждения сны забывались напрочь? Таймыров часто видел яркие художественные сны, некоторые из них он помнил, как помнят реальные события в жизни, но чаще всего они забывались сразу же после пробуждения. Ему очень хоте-

лось самому заглянуть под покров этой тайны человеческого бытия. «Чтобы сапиенсатор мог уловить и записать биоволны с того расстояния, на котором находилась его квартира от института, нечего было и думать, но если увеличить чувствительность вторичного приемника-усилителя в несколько раз, то что-то может получиться», – рассуждал он. Второй его задачей на сегодняшний день было ввести на выходе еще один канал для записи мыслей на дискету с целью более удобного хранения и возможности вывода на дисплей.

Сделав необходимые расчеты, Таймыров внес изменения в схему сапиенсатора и спустился в столовую. После обеда он вызвал радиомонтажника, дал ему указания и, взяв с полки сборник научной фантастики, сел в кресло передохнуть. Все это время его неотступно преследовала мысль, что вот-вот в лабораторию должен зайти профессор Сухоедов за своей шляпой. Однако профессор почему-то не спешил с обменом.

День близился к концу. Радиомонтажник, закончив работу по изменениям Таймырова, уже ушел, когда вдруг зазвонил телефон.

– Коллега, – услышал Таймыров голос профессора, – вы не желаете заглянуть ко мне? Я хочу познакомить вас с одним интересным субъектом, – обращаясь почему-то на «вы», сказал Сухоедов.

– Хорошо, – ответил Таймыров, – зайду минут через двадцать.

Он настроил сапиенсатор и проверил его работу в уже но-

вом качестве: при записи на бумагу и магнитный диск. Убедившись в его безотказной работе, установил реле времени, включающее питание прибора, на полночь, чтобы попробовать записать собственные сновидения, надел свой плащ, профессорскую шляпу и направился в лабораторию Суходова.

Такого он не ожидал. В лаборатории профессора, заставленной разными приборами, стендами, вычислительной техникой, в одном из двух кресел Таймыров увидел нечто, очень напоминающее ему тех роботов, которых он видел в фантастических фильмах: две пары шарнирных конечностей, очень похожих на человеческие руки и ноги; массивная яйцевидная голова, посаженная на туловище почти без шеи; немигающие желтые глаза, смотрящие на Таймырова так пристально, что он поежился.

– Познакомься, – сказал профессор, – это мой новый робот.

Механическое существо встало из кресла и, пожимая протянутую Таймыровым руку, звучным голосом произнесло: «Рома».

– Очень приятно, Рома, – отмечая про себя его по-мужски крепкое пожатие пятипалой руки, сказал Таймыров. – А что ты умеешь делать, Рома?

– Все, что прикажет мой создатель.

– А если приказ тебе дам я?

– Я выполняю только то, что слышу от моего создателя.

– Все понятно, кибер, твой мозг запрограммирован на определенный тембр человеческого голоса.

– А что такое «кибер»? – спросил робот. – в моей памяти нет такого слова.

– Кибер – это электронно-механическая система, которой являешься ты. Это слово из жаргона ученых.

– А что такое «жаргона»?

– Жаргон, – поправил Таймыров, – это язык, характерный для небольшой какой-либо группы людей.

– Ясно, ответ понял, – сказал робот и повернулся к профессору. – Что прикажете делать дальше?

Таймырова вдруг пронзила мысль: «А что, если профессор обо всем знает и заманил его в свою лабораторию, чтобы при помощи робота разделаться с ним?»

Но профессор ничего не подозревал. Он велел роботу быть свободным. Тот отошел в пустой угол помещения, щелкнул выключателем на своей груди, и его пчелиные глаза сразу погасли. Механическое существо превратилось в мертвую металлическую статую.

– Поздравляю вас, профессор. Когда вы только успеваете? Столько месяцев не был в институте, а такого ибера сработали.

– Ты же знаешь, что я работаю не один, у меня много учеников и помощников. Это ты собираешься сделать переворот в технике в одиночку. Время одиночек в науке давно прошло, теперь все решают коллективы.

– Не думаю, – возразил Таймыров, – в природе всегда были и будут натуры, склонные к обособленному труду. Наверное, их не так уж много, но все вместе они представляют если не главную, то значительную силу в науке, и, как знать, может быть, именно на их долю приходится все значительные открытия.

– Ну-ну, не зарывайся, – миролюбиво сказал профессор, – ты лучше расскажи, как там твое чудо века, когда продемонстрируешь его работу?

– Скоро, я думаю, через неделю, не больше, получу необходимый результат.

– Да, результат... – задумчиво повторил профессор. – Было бы лучше, если бы ты никакого результата не получил или никому бы никогда о нем не говорил.

– Что вы, профессор, – удивился Таймыров, усаживаясь против него в другом кресле, – рано или поздно все равно кто-нибудь создаст такой аппарат. Судя по сообщениям в печати, в этом направлении уже давно работают в США и Японии.

– Чем позже это произойдет, тем лучше, – заявил Суходедов. – Человек еще настолько несовершенен, в нем столько низменных интересов, что твое преждевременное изобретение может принести человечеству гораздо больше вреда, чем пользы. Риск слишком большой, все зависит от уровня сознания, человечности субъекта, который будет им обладать. К сожалению, политику пока еще делает небольшая часть че-

ловеческого сообщества, а история, как тебе известно, располагает многими примерами злоупотреблений властью имущих.

– Но на развитие науки нельзя влиять искусственно, тормозить или ускорять. Вы сами как-то утверждали, что в природе все, в том числе и развитие науки, идет по раз и навсегда данному порядку.

– Я и сейчас считаю, что открытие законов природы, ее познание есть строгая цепь закономерностей. Однако человек является одним из звеньев в этой цепи, и уровнем своего сознания он может ускорять или замедлять развитие науки и цивилизации вообще, в зависимости от того, насколько уровень сознательности человечества соответствует уровню развития науки. Все дело в том, что накопление человечеством знаний об устройстве мира, познание им естественных законов происходят быстрее, чем рост сознания его индивидуумов и человечества в целом. Другими словами, уровень развития науки опережает уровень развития межчеловеческих отношений. Продукт природы – человек – находится в том состоянии, когда инстинкты его почти все утрачены, а сознательность в массе своей еще на том уровне, когда человеком владеют больше эгоистические желания, сиюминутные выгоды, а не гуманистические цели во имя будущего цивилизации.

Профессор извлек из своего кармана пачку с нейролиза-

тором² и протянул ее Таймырову.

– Угощайся, это японский – из моего космического пайка. Он стимулирует почти мгновенно после первой затяжки и гораздо приятнее нашего.

Аромат обвил их, когда они закурили, и профессор продолжал:

– Наука развивается по законам, заданным Природой. Человеческий разум, не желая смириться с конечностью своего существования в природе, пытается найти ключ к тайне бессмертия. Однако наука решит эту проблему не раньше, чем найдет ключ к решению, по крайней мере, трех других проблем: новых энергетических источников, перенаселения планеты и достаточного воспроизводства продуктов питания. Природа не зря далеко спрятала от человека тайну таких болезней, как, например, злокачественные опухоли. Если бы мы сейчас нашли способ лечения этих болезней, численность населения земного шара лет через десять выросла бы более чем вдвое и человечество начало бы вымирать от голода.

– Интересная мысль, – сказал Таймыров. – по-вашему, выходит, что, сколько бы ученые ни бились над разгадкой рака, сколько бы ни вкладывали в это сил и средств, все произойдет не раньше, чем должно произойти?

– Вот именно. Все идет своим чередом.

² Нейролизатор – безвредное курительное вещество, стимулирующее деятельность центральной нервной системы.

– А я думаю иначе. Все зависит от человека. Чем раньше человек постигнет тайну своего бессмертия, тем раньше он решит все остальные проблемы. Ведь каждый человек, умирая, уносит с собой огромную накопленную информацию, опыт. Каждое новое поколение начинает как бы сначала. Развитие человечества идет скачками. Пока новое поколение постигает опыт своих отцов, развитие замирает на время, затем следует взрыв и так далее. Если бы человечество могло увеличить продолжительность жизни хотя бы до 500 лет, развитие шло бы не скачкообразно, а лавиной и мы давно решили бы все проблемы.

– Интересно, может быть, ты еще и укажешь, каким образом?

– Почему бы и нет, – с готовностью ответил Таймеров. – Проблему перенаселения можно было бы решить в один день: в тот самый день, когда человечество постигнет тайну бессмертия, существующие на планете поколения людей объявить вечными, прекратив рождаемость нового поколения.

– А если люди этого не захотят? Человек испокон веков привык к продолжению рода. Вырастить и воспитать себе подобного – в этом заключается цель жизни человека.

– Да, но вы забываете, профессор, что с бессмертием это теряет смысл. Человек действительно проживает несколько жизней, растя своих детей, внуков. Эта игра, придуманная для него Природой, нравится ему. Но когда человек осо-

знает, что это ему больше не нужно, что он сам есть вечный житель под небом Земли, он с удовольствием откажется от того, что навязано ему Природой, и очень выиграет от этого. Представьте, сколько сил и времени тратит человек на то, чтобы вырастить и дать образование своему потомку. На это сейчас уходит почти треть жизни, а то и вся жизнь. И вдруг исчезнет надобность в этой потребности. Отпадет надобность в целой системе детских дошкольных заведений, школ, вузов. Не нужна будет вся система образования! У человека появится больше времени для самоусовершенствования, а свои знания и опыт он будет пополнять из самого течения жизни и общения с себе подобными. Благодаря всеобщей информатике и компьютеризации он сможет это делать во сто крат быстрее и полезнее.

– Что же выходит: планета стариков, цивилизация без детей? Что касается того, что у людей появится больше времени, то время, по-моему, тут теряет свой смысл. Бесконечность впереди – как подумаешь об этом, становится так же страшно, как если бы речь шла о неминуемом конце. Не нужно никуда спешить, торопиться – время существования неограниченно. Приемлемо ли это? Вместо вечного движения, жизнь застынет, движение вперед прекратится.

– Нет, не прекратится. Появятся другие стимулы развития.

И страшным неограниченное существование кажется только, если об этом думать, а если просто жить, то челове-

ку это никогда не надоест. Впрочем, тут возможны и другие варианты. Прожив, например, 500 лет, человек может прекратить временно свое существование, оставив после себя потомка. Решившись на такой вариант, он заходит в аннигиляционную камеру, в считанные секунды на кристалл записываются его генетический код, структура мозга и вся заложенная в нем информация. Вспышка света, взрыв – и он превращается в излучение, энергией которого можно несколько месяцев питать полумиллионный город. В любое время потомок может встретиться со своим предком, заложив кристалл с информацией в биосинтезатор, который по заложенной в него программе воссоздаст любую личность на том уровне сознания, что и перед его условной смертью. Те же превращения материи, что и в природе, но только с большим эффектом отдачи. Это будет цивилизация вечно молодых людей, а не стариков. Понятие «возраст» будет определяться лишь в смысле определения накопленного жизненного опыта.

– Как знать, может быть, ты и прав. Мы не знаем, какую участь уготовила нам Природа. Как сказал кто-то из поэтов, «жизнь – это вечная игра» и если у человечества хватит разума не проиграть, не «сыграть в ящик», то, может быть, подобное фантазерство когда-нибудь станет реальностью.

– Что вы понимаете под словом «Природа», профессор?

– Это прежде всего то, что существовало до человека и что создало его. Природа – это разум, но разум вселен-

ский. Человеческий разум есть ничтожно малая его копия. Существуют целые миры, обладающие колоссальными энергиями Разума, которые управляют всеми процессами во Вселенных. Напрасно философы веками спорят, что первично, а что вторично – разум или материя. Разум так же, как и материя, существовал всегда, трансформируясь и видоизменяясь. В мире все взаимосвязано и носит причинно-следственный характер, но мы большей частью можем наблюдать лишь следствие, не зная первопричин. Случайностями мы называем события, когда законы, по которым они происходят, нам неизвестны.

– А вы, профессор, оказывается, тоже любите фантазировать. Впрочем, я не исключаю ваш вариант устройства мироздания. Мир сам по себе гораздо интересней, чем то, что может создавать воображение человека. Я думаю, что человеческий разум не может создать то, чего никогда не было в мире. Он лишь отображает, вспоминает, копирует то, что заложила в его гены Мать-Природа.

– Но мне думается, – продолжал Таймыров, – что Мир – не цельная система, а цепь случайностей. Мир возник из хаоса элементарных частиц, и этот хаос продолжает длиться и сейчас. Случайные события, совпадая во времени, рожают новые случайные события. Человек есть результат этих случайностей и их пленник. Но, обладая разумом, он способен эти случайные события подчинить себе и подняться над Природой.

– Ерунда, – бесцеремонно возразил Сухоедов, – человек никогда не поднимется над Природой хотя бы лишь потому, что он – только часть ее. Те мысли, которые ты высказываешь сейчас, лишь кажется, что принадлежат тебе. На самом деле это результат действия космических лучей, которые, проходя через твой мозг, возбуждают те электрофизические и химические процессы, которые соответствуют тому, что ты сказал или подумал.

Был уже поздний вечер, когда они, закончив свой очередной ненаучный спор, вышли из лаборатории профессора. На этот раз каждый в своей шляпе, в каждой из которой находилось по одной миниатюрной детали, связывающей их с прибором, находящимся в лаборатории Таймырова.

Глава пятая

Таймыров думает, а сапиенсатор пишет роман

В это утро Таймыров проснулся, как обычно, без пяти шесть. Его мозг, как хорошо отлаженный механизм, никогда не подводил. Через пять минут после пробуждения электронный таймер включал радиоприемник, и в комнате раздавался голос диктора, сообщающего последние новости в мире. Таймыров не спеша брился под этот голос и думал о необычности сегодняшнего дня. Никто, ни один человек на земном шаре, даже этот диктор, не подозревает, что произошло этой ночью. Впервые в мире человеку удалось (Таймыров был очень уверен в этом) записать свои сновидения. Через какой-то час он, войдя в свою лабораторию, сможет прочитать и, возможно, даже увидеть на экране все, что происходило внутри его черепа во время сна; совершится еще одна мечта человечества, и откроется еще одна тайна. Пока только одному ему. Когда люди смогут использовать его изобретение на свое общее благо? Этого он сейчас не мог сказать. До тех пор, пока в мире существует вражда между людьми, самые лучшие изобретения человечества еще долго будут храниться за семью печатями, оставаясь недоступными для большинства.

Таймыров чувствовал, что сновидения были: они где-то вот-вот, они на грани памяти. Но как ни старался он вспомнить хоть какой-то обрывок сна, ничего у него не получалось.

«Может быть, это и к лучшему, – подумал он, – излишние впечатления только возбуждают нервную систему, которой и без того хватает эмоциональных нагрузок».

Прибыв в институт, он обнаружил сапиенсатор, как и следовало ожидать, в состоянии покоя. Бумажная лента была полностью перемотана на ведущий барабан. Конечный выключатель, сработав, остановил всю систему. Таймыров перемотал рулон с записью, снял его и, усевшись в кресло, принялся за чтение. Это было нечто похожее на киносценарий. В начале шли отдельные слова, фразы, потом описание какой-то местности. И тут Таймыров вспомнил весь свой красочный сон.

Перед ним были сказочные просторы экзотической планеты с названием Октидана. Цивилизация на ней состояла из двух обществ: Зеленоглазых и Голубоглазых. Законы на этой планете запрещали смешение крови и браки между Зеленоглазыми и Голубоглазыми. Всех, кто пытался нарушить этот закон, ожидала суровая кара. Но однажды это случилось: голубоглазый октиданин полюбил октиданку из другого общества. Объединенный Совет Планеты постановил: выселить нарушителей за пределы Октиданы. Ссылные прощаются с планетой и на космическом кораб-

ле отправляются бороздить просторы Вселенной в поисках пристанища. Их привлекла небольшая желтая звезда. Взяв курс на нее, они спустя несколько десятилетий достигают ее окрестностей, в которых находят планету, очень похожую на Октидану. Это планета Земля. Они входят в контакт с ее обитателями и обретают здесь свой новый дом. Уровень цивилизации на Земле намного выше, чем на Октидане. После того как землянами был изобретен суперлазер с излучением, ускоряющим радиоактивный распад, все ядерное оружие на планете было уничтожено и на земле наступила эра международных компромиссов.

Однажды зеленоглазая октиданка сказала встревожено своему возлюбленному: «Такое ощущение, будто на нашей планете назревает катастрофа, может случиться термоядерная война».

От Земли к далекой планете с миссией мира летит космическая экспедиция; земляне везут с собой суперлазер, чтобы предотвратить термоядерный конфликт. Но помощь запоздала. На Октидане не было уже ничего живого. Планета превратилась в радиоактивное кладбище, жизнь на котором может возобновиться только через тысячи лет. Двое влюбленных ссыльных с помощью суперлазера начинают обживать погибшую планету, чтобы возродить свою цивилизацию.

Таймыров устал от долгого чтения. Перед ним было около двухсот страниц машинописного текста. Очнувшись от впечатлений, заметил, что в лаборатории очень душно. Он встал

и нажал выключатель на стене. Через несколько минут лабораторию наполнила ароматная свежесть хвойного леса и летнего дождя. Откинувшись в кресле, Таймыров начал размышлять. Из этого текста мог бы получиться неплохой фантастический роман. Особенно ему нравилась идея с суперлазером. Это была его давнишняя мечта: изобрести способ уничтожения ядерного оружия, превратить все его запасы в безопасный свинец, чтобы ни один ядерный заряд не мог взорваться.

В нем внезапно вспыхнула дремавшая натура страстного сочинителя. Он вспомнил свое увлечение журналистикой и научной фантастикой во время учебы в университете. Както, когда он принес очередной свой материал в молодежную газету, журналистка, прочитав его, сказала: «Вы хорошо владеете пером, ваши материалы легко править, давайте будем сотрудничать».

С тех пор прошло почти десять лет, наука полностью поглотила его, но вот впечатлительная творческая натура, дремавшая в нем, дала о себе знать. Ему захотелось удивить мир романом века.

Чтобы ускорить осуществление своего замысла, он составил комплекс сапиенсатор – компьютер. Сделав выход информации из сапиенсатора на свой персональный компьютер и задав ему программу редактирования, он получил компьютер, управляемый мыслью. Записанный сапиенсатором текст послушно редактировался компьютером и аккуратно

распечатывался на бумаге. Запустив систему и убедившись в ее работоспособности, удовлетворенный результатом Таймыров спустился в буфет. Проглотив на скорую руку пару сосисок и чашку кофе, он «взялся за перо». Усевшись удобнее в кресле и закрыв глаза (это было его особенной привычкой – закрывать глаза, сосредоточивая мысли на определенном предмете), Таймыров предался своим мечтам. Несколько часов для него не существовало ничего, кроме созданной им планеты Октидана с ее обитателями и проблемами. А в это время посреди комнаты суетливо стучало пишущее устройство сапиенсатора – впервые произведение литературы создавалось необычным способом. К обеду третьего дня работа была закончена. Перед ним лежало около четырехсот страниц печатного текста. Оставалось только дать название. Немного подумав, Таймыров, а точнее сапиенсатор, напечатал на титульном листе: «Гибель прекрасной Октиданы».

Чувство наслаждения от проделанной работы переполнило его тело. Возникло естественное желание поделиться с кем-нибудь результатом своего творчества. О сапиенсаторе он не мог ни с кем говорить, а вот дать прочесть кому-нибудь свой роман было в его власти. Подумал о профессоре Суходове. За прошедшие три дня он совсем забыл о его существовании, а вспомнив, подскочил к сапиенсатору, настроил его и включил воспроизведение записи своего сна через дисплей. На экране замелькал уже знакомый ему текст. Глядя на него, Таймыров уже обдумывал, что нужно сделать в схе-

ме сапиенсатора, чтобы снимать сигналы не в виде словесного текста, а в виде изображения, того самого, что имеет место в человеческом воображении. Суть задачи была ему ясна, требовалась дальнейшая работа над сапиенсатором. Он переключил систему на прием, настроил ее на частоту работы мозга профессора Сухоедова и вместе с рукописью своего романа вышел на улицу. Редакция журнала «Мысль» находилась в нескольких кварталах от института, где он работал. Пройдя через просторный вестибюль, Таймыров поднялся на второй этаж. В прокуренном коридоре он остановился у двери с табличкой «Отдел прозы». Толкнул дверь и остановился, приятно удивленный: за столом кабинета, заваленным рукописями, гранками и бог весть чем еще, сидела красивая солидная дама, в которой он узнал, хотя и прошло лет десять, свою знакомую по молодежной газете. Она тоже узнала его. Принимая объемную рукопись, она предупредила: «Смогу прочитать не раньше чем через две недели».

– Можете не торопиться, – сказал Таймыров, удовлетворенный встречей с давней знакомой.

Глава шестая

Сапиенсатор становится умнее

В тот день Таймыров находился в своей лаборатории, когда в очередной раз заработал сапиенсатор, принимая мысли профессора Сухоедова. За прошедшие несколько дней Таймыров еще больше усовершенствовал свою систему: теперь сапиенсатор, заранее настроенный на частоту биоволн мозга Таймырова или Сухоедова, включался сам. Стоило кому-нибудь из них мысленно произнести слово «сапиенсатор», как распознаватель на входе системы тут же давал команду на усиление сигнала, включались остальные блоки сапиенсатора, и с этого слова начиналась запись. Таймыров, пользуясь этим «волшебным» словом, мог записать любую информацию, находясь в зоне приема, а мысли профессора записывались только тогда, когда он думал о сапиенсаторе. Таймыров перед этим позаботился о том, чтобы это слово прочно вошло в лексикон профессора. Для этого ему пришлось несколько раз завязывать с Сухоедовым беседу о своем изобретении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.